

Точное и неточное в социально-гуманитарном знании В.А.Смирнов как методолог

Владимира Александровича Смирнова интересовали догмико-методологические проблемы социально-гуманитарного знания. И в этой области у него было много продумано, выявлены подлежащие исследованию вопросы, выработана определенная система взглядов. Я полагаю, что проделанная в этом направлении Владимиром Александровичем работа заслуживает внимания и изучения, ибо он «копал» глубоко и в тех местах, откуда могло произрасти новое знание.

Для иллюстрации сказанного я хотел бы рассмотреть одно его выступление на Круглом столе в журнале «Вопросы философии». И хотя оно состоялось почти 10 лет назад, поднятые в нем вопросы остаются актуальными и в настоящее время.

Итак, выдающийся логик обращается к проблематике, казалось бы далеко выходящей за пределы его чисто профессиональных интересов. Чем это объяснить? Простой любознательностью? Конечно, В.А.Смирнов был человеком широкого кругозора. Но все-таки бы темой он ни занимался, он прежде всего оставался логиком. И в данном случае, обращаясь к методологическим проблемам общественных наук, он, как представляется, исходил из того, что их разработка способна породить импульсы к развитию самой логики. Но и логика может кое в чем помочь общественным наукам. Вот что он говорил на упомянутом Круглом столе по данному вопросу: «Вероятностные методы, статистика первоначально возникли как методы, ориентированные на социальную область, и лишь впоследствии были распространены на физику и другие области»¹. А возникшие в ответ на запросы социальных наук вероятностные методы дали толчок развитию логики, ибо математическая

логика замышлялась Булем «как средство обоснования теории вероятностей»². И в более близкое к нам время «становление новых способов мышления — статистических — во многом диктовалось не естественными науками, а науками социальными и даже гуманитарными»³. Но если в прошлом целые разделы математики и логики возникали прямо или косвенно на базе социального знания, то вполне оправданы ожидания, что и ныне возможно здесь появление новых точек роста научного знания, относящегося к сфере математики и логики. Одной из них могут стать изыскания, связанные с созданием новых логически более строгих методов и языков для социально-гуманитарного знания. Этому вопросу и было в основном посвящено выступление В.А.Смирнова.

Общей темой Круглого стола было соотношение точного и неточного в современном научном познании. Для общественных наук она имеет существенное значение. Известно, что с повышением точности научного знания связывалась его большая объективность, адекватность реальности. Применительно к социальному знанию это означало его приближение к идеалу научности, который традиционно в строгих теоретических построениях, например, математической физики. Поэтому не случайно само понятие точности в науках часто отождествлялось с применением количественных математических методов. Эта идея получила у нас широкое распространение в 60-е гг., когда в стране происходило возрождение эмпирической социологии. Тогда расхожими стали утверждения, типа того, что наука в той мере становится наукой, в какой в нее проникает математика. Лишь постепенно происходило осознание того, что хотя применение математических методов в общественных науках существенно усиливает их познавательные возможности и нельзя полагать априорно какие-либо границы их распространению, все-таки «точность» в общественном знании не сводится к его математизации.

Этой же точки зрения придерживается и Владимир Александрович. Проблему точности, строгости в науке он трактует весьма широко и подходит к ее анализу исторически.

Прежде всего, он «точность» с выработкой «объективных способов аргументации», стандартов рассуждения, т.е. созданием логики, проясняющей, каким образом при истинности посылок можно гарантировать истинность заключения. Так понимаемая точность вообще является предпосылкой науки и в какой-то степени культуры в целом, ибо не только наука, но и многие явления куль-

туры немыслимы без «объективных способов аргументации». В этом смысле аристотелевская логика имеет общенаучное и общекультурное значение.

Далее, проблема точности органично связана с научной рациональностью. Тема рациональности многообразна и широко освещалась в литературе. Мне хотелось здесь отметить лишь то, на какие ее аспекты обращает внимание и как трактует ее В.А.Смирнов, конечно, не вообще, а применительно к рассматриваемому вопросу.

Классический тип рациональности, господствовавший в науке со времени научной революции XVII в., характеризуется, по мнению Владимира Александровича, двумя особенностями — резким разделением субъекта и объекта и отрицанием объективности случайности. Он полагает, что при таком подходе субъект наделяется божественным всемогуществом, ибо его мощи не ставится никаких пределов, а объект подчиняется действию «жестких, однозначных законов». Познание природы с помощью эксперимента становится «допросом с пристрастием», т.к. чтобы получить правильный ответ, природа в рамках эксперимента становится в условия полностью контролируемые субъектом с помощью используемых им средств познания.

Этот классический тип рациональности привел к отрыву человека от природы, ее противопоставлению культуре, что В.А.Смирнов называет дуализмом. Отсюда вытекало и противопоставление общественных и естественных наук, наук о природе и культуре, попытки применения к ним различных критериев научности. Этот дуализм (оппозиция) естественного и гуманитарного существует до сих пор и вопрос о том, как к нему относится, имеет принципиальное значение, ибо это и вопрос о тенденциях развития современного научного знания. В.А.Смирнов заявляет эту проблему как дилемму дуализма и монизма. При этом он полагает, что ее решение должно естественно вытекать из объективного процесса развития науки, а не предпочтений того или иного субъекта познания. Что же дает нам в этом отношении современная наука? Рамки короткого выступления не дают ему возможности более или менее полно рассмотреть этот вопрос. Но для него очевидно, что классический тип научной рациональности уже не удовлетворяет науку и от некоторых его идеалов необходимо отказаться. К их числу относятся противопоставление субъекта и объекта познания и отрицание объективного характера случайности. Все это

в свою очередь означает, что наука по-новому смотрит на взаимоотношение человека и природы в процессе познания, что формируется новый неклассический тип научной рациональности.

Этот тезис, который уже получил достаточно широкое распространение, В.А.Смирнов интерпретирует в том плане, что новый тип рациональности, снимая противопоставление человека и природы, лишает субъекта познания его «всемогушества», ограничивает его интеллектуальную мощь на каждом этапе познания. Неклассическая рациональность формирует тем самым менее идеализированный и более реальный образ субъекта познания, действующего в определенных условиях. Меняется и характер эксперимента. От испытания и «пытания» природы человек переходит к диалогу с природой. «Это другой тип отношения между человеком»⁴, подрывающий дуализм и формирующий основу для утверждения монизма в этом вопросе. Поддержкой монистического подхода к взаимоотношению человека и природы является также отказ от жесткого детерминизма, признание объективного характера случайности.

Такова вкратце база для современного решения проблемы точности в науке, четко и в то же время философски основательно описанная В.А.Смирновым. Само решение, конечно, не может быть окончательным, но оно должно логически следовать из современного состояния науки и выявленных тенденций ее развития.

Совершенно очевидно, что руководствуясь монистическим подходом, В.А.Смирнов не может не выступать в пользу утверждения единства естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Он действительно признает различие между естественными и гуманитарными науками «очень относительным», что, однако, не должно приводить к отрицанию ими своей специфики. По критерию точности он делит все науки на четыре группы. Поскольку его суждения по этому вопросу не совпадают с классификацией Б.М.Кедрова, воспроизведем их подробнее. Первой является группа «точных наук», куда входят математика, механика, астрономия. В группу собственно естественных наук он включает физику, химию и биологию⁵, причем по его мнению наблюдается тенденция к превращению их в точные науки. Больше всех преуспела в этом физика. К третьей группе он относит общественные науки (которые у него значатся как эмпирические науки «с тенденцией превращения в точ-

ные») — экономические науки, демографию, конкретную социологию. И, наконец, гуманитарные науки — логика, языкознание, науки о культуре и т.д. В этих науках, с точки зрения Владимира Александровича, «отмечается значительное продвижение в выработке стандартных, строгих методов исследования»⁶.

Таким образом, уровень точности, строгости не одинаков в разных группах наук, но принципиального качественного различия между ними по этому критерию он не видит, ибо все группы наук приемлют этот критерий, конечно, в соответствии со своей спецификой. Мне представляется, что это весьма перспективная позиция, утверждающая принцип единства человеческого познания. Вместе с тем здесь возможны различные уточнения и конкретизации.

Владимир Александрович обращает внимание также на необходимость корректировки в свете новой неклассической рациональности самого понятия точности в познании. Так, сейчас уже нельзя ставить задачу достижения любой степени точности, как это было возможно в рамках классической рациональности. В неравновесных системах существует «порог точности». Меняется и соотношение точного и неточного. Проблема точности обретает новые измерения и в связи с распространением вероятностных методов и подходов. Все это требует ее дальнейшей разработки. Она остается одной из фундаментальных проблем логики и методологии науки.

Итак, Владимир Александрович положительно ответил на вопрос, возможно ли в гуманитарной области применение точных методов и показал, что они не сводятся к внедрению математики. Он считал это направление весьма перспективным для гуманитарного цикла, но имеющим и общенаучное значение, поскольку «создание строгих методов и языков для обеспечения гуманитарной области ставит новые задачи перед математикой, логикой и методологией»⁷. Проблему научной строгости он исследует как общенаучную и формирует цельную и продуманную, в которой соотносены и взаимосвязаны понятия научной рациональности, точности с динамикой научного знания. Из нее вытекает, что проблемы точности, использования строгих методов и т.п. в социально-гуманитарной сфере нельзя рассматривать изолированно от развития науки в целом. Эта сфера — часть науки и подчинена ее общим

закономерностям, принципам, критериям, несмотря на свою специфику. Поэтому излагая подход его к общественным наукам — что меня интересовало в первую очередь, — я вынужден был следовать за ним и касаться общих вопросов методологии науки, развития не только социально-гуманитарного, но и естественнонаучного знания. Я полагаю, что концептуальное рассмотрение им проблемы точности в научном познании является существенным вкладом в разработку этой сложной темы. И я полностью согласен с его решением вопроса об использовании точных методов в социально-гуманитарной области научного знания. Это решение не имеет ничего общего со сциентизмом, натурализмом, отрицанием специфики обществознания. Более широкое применение точных методов в социально-гуманитарном знании — области, которая традиционно считалась оплотом «неточного» знания свидетельствует о сближении естественнонаучного и гуманитарного знания. Другим, отмеченным в выступлении фактом этого же порядка, является процесс гуманизации естествознания, особенно заметный там, где наука о природе вынуждена считаться с человеческими ценностями. Наконец, в мировоззренческом плане естественные науки уже не могут не реагировать на тот факт; что устройство нашей Вселенной позволило ей породить жизнь и разум. Поэтому «берлинская стена» между науками о природе и науками о культуре (духе) должна быть разрушена как несоответствующая современным тенденциям развития науки.

Значительное место в выступлении занимает вопрос о субъекте познания, его трактовке, роли, изменениям в субъектно-объектных отношениях. Частично этой темы я уже касался, но здесь я хотел бы обратить внимание на то, что сближение естественных и общественных наук идет и по типу субъектно-объектных отношений, характерному для каждой из ветвей научного знания. В.А.Смирнов прекрасно показал, что дуализм в понимании природы и культуры логически следует из утверждаемой классическим рационализмом идеализации субъекта познания и его противопоставления объекту. Новый рационализм, опираясь на данные современной науки отказывается от этой идеализации и исходит из того, что человек «не извне изучает природу», а является ее частью. Действительно, достаточно сопоставить классическую и квантовую механику, учесть соотношение неопределенностей, чтобы стало ясно, что человек изучает природу как макроскопическое существо и эта его

«макроскопичность» отчетливо обнаруживается, когда он начинает исследовать микромир. Воздействуя на него, субъект познания изменяет его состояние и уже не может от этого отвлекаться. Поэтому прежняя идеализация здесь не работает. Научная рациональность должна менять свою форму, отражая то, что человек не господствует над природой, а принадлежит ей. Конечно, факт этот вроде бы очевидный, но из него надо было сделать надлежащие выводы. И современная наука заставила это сделать.

Но человек, как известно, не только природное, а и социальное существо. И даже материализм XVIII в., который недооценивал это обстоятельство, не считал, что человек может познавать общество «извне». Поэтому в общественных, а тем более в гуманитарных науках никогда не стоял вопрос о «внеположенности» субъекта объекту познания. Здесь скорее преобладала другая крайность: если человек есть частица общества, которое познает, то способен ли он взглянуть на него объективно, т.е. возможна ли вообще наука об обществе. И многие отрицательно отвечали на этот вопрос. У Владимира Александровича на этот счет сомнений нет. Он ставит социально-гуманитарное знание в общий ряд наук и думает о тех средствах, с помощью которых в этой сфере достигается большая объективность. Так что общественные и гуманитарные науки представляют собой ту область знания, которая по типу отношения субъекта и объекта вполне соответствует принципам неклассической реальности.

Соотношение точного и неточного как методологическая проблема социально-гуманитарного знания мне представляется весьма актуальной для нашей отечественной науки. Растерянность и теоретический вакуум, образовавшийся после низложения официальной советской идеологии, заполняется в сфере обществознания, надо сказать, отнюдь не лучшим образом. Под видом науки преподносятся разные варианты социальной мифологии. На книжных полках появляются издания безответственных и подчас малообразованных авторов, претендующих, однако, на то, что они представляют последнее слово общественной науки. Игнорируются азбучные истины методологии социального познания, такие, например, как необходимость следовать принципу историзма и т.п. В общественном сознании наука отодвигается на задний план. Престиж науки, особенно общественной, приближается к нулевой отметке. Между тем общественная и гуманитарная наука нужна как никогда, для нормального проведения рыночных

реформ, для обеспечения духовного здоровья людей, особенно подрастающего поколения и для многого другого. От активности научного сообщества зависит будущее общественной науки России, ее развитие как объективного, а, следовательно, точного социального знания. На методологии лежит доля ответственности за движение науки по этому пути.

¹ Вопросы философии. 1988. № 12. С. 26.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Б.М.Кедров относит механику и астрономию к естественным наукам. Кроме того не совпадают подходы Кедрова и Смирнова к наукам гуманитарного цикла. См.: *Кедров Б.М.* Классификация наук. Т. II. М., 1965. С. 482.

⁶ Вопросы философии. 1988. № 12. С. 26.

⁷ Там же.